

Мо Янь ворвался в главный зал, преисполненный ярости. Его вид говорил о готовности повести за собой легионы демонов на штурм человеческого мира. Одним ударом ноги он распахнул дверь в покои Лю Чжэчжи.

Но... из покоев донеслись два тихих кашля.

Ледяной зимний ветер ворвался внутрь, и Лю Чжэчжи, попав под сквозняк, тут же раскашлялся.

Ярость, кипевшая в демоне, мгновенно сменилась тревогой. Он захлопнул дверь и в одно мгновение оказался у кровати. Увидев, что Лю Чжэчжи кашляет до покраснения, Мо Янь, не раздумывая, принялся поглаживать его по спине, чтобы тот отдышался, а затем укутал его в одеяло по самое горло.

— Ты... если тебе холодно, укрывайся лучше! Сидишь тут под сквозняком, а теперь кашляешь! Кто виноват?

Лю Чжэчжи перевёл взгляд с него на дверь и обратно, не произнеся ни слова.

Но этого взгляда хватило, чтобы Мо Янь всё понял: он сел, чтобы посмотреть, кто так шумит, выломав дверь.

Хорошо, вина отчасти на мне, но... разве Лю Чжэчжи во всём прав?

Мо Янь вспомнил, зачем пришёл, и, невзирая на потрясённый взгляд Лю Чжэчжи, решительно отодвинул его и лёг рядом, забравшись под одеяло.

Праведники превыше всего ценили аскезу. Покои Лю Чжэчжи, хоть и были просторными, обставлены были скромно и со вкусом. Единственным украшением служили изящные артефакты, которые ему нравились, но и те растащил Бай Цю.

Теперь нетронутой оставалась лишь кровать — и не потому, что Бай Цю постыдился, а потому, что она была слишком мала.

Для одного Лю Чжэчжи места было достаточно, и даже со змейкой было в самый раз. Но для двоих мужчин, особенно когда один из них — Мо Янь, ростом в девять чи, кровать оказалась безнадежно тесной.

Даже прижавшись вплотную, Мо Янь не мог уместиться — одна рука так и осталась висеть в воздухе, и ему пришлось положить её поперёк тела Лю Чжэчжи.

Спать так было невозможно.

Лю Чжэчжи хотел было возразить, но, вспомнив, с какой яростью Мо Янь ворвался в покои, промолчал.

Что ж, сейчас он не мог с ним драться, а выслушивать его гневные тирады не хотелось. К тому же, это всё равно ничего бы не решило — с кровати тот бы не ушёл.

Лежать так было неудобно обоим. Лю Чжэчжи по своей природе был сдержан и не придавал значения таким мелочам, поэтому молчал. А вот Мо Янь терпеть не стал и тут же разразился бранью:

— Какого чёрта эта кровать такая тесная?! Рано или поздно я разнесу её в щепки и поставлю новую, огромную!

Раньше, не имея голоса, он ругался лишь мысленно. Теперь же, обретя человеческий облик, Мо Янь сам не привык к этому и, выпалив проклятие, замер, быстро взглянув на Лю Чжэчжи.

Их взгляды встретились.

В прекрасных глазах феникса он прочёл неодобрение.

Было неясно, что именно ему не понравилось: его грубая брань или намерение разрубить кровать.

Мо Янь не решился спросить. После стольких лет, проведённых под его опекой, он чувствовал, что ещё одно слово — и его вышвырнут вон.

— Эта кровать... она... она и правда тесная, что, и сказать нельзя?

— М-м, — тихо отозвался Лю Чжэчжи, не желая вступать в пререкания.

Это «м-м» означало, что кровать действительно тесная, или что... ему нельзя об этом говорить?

Мо Янь не мог понять его и вдруг осознал, что они, кажется, вернулись к своей старой вражде.

Тогда было то же самое: Лю Чжэчжи почти не обращал на него внимания. На десять его фраз тот отвечал односложным «м-м», и приходилось гадать, на какую из них он ответил.

А он, со своим взрывным характером, не выдерживал и лез в драку.

Как же так вышло, что после стольких лет мирного сосуществования, после того как он стал его учеником, всё вернулось на круги своя?

Мо Янь не понимал, что сам себя выдал, и списал всё на то, что вновь обрёл человеческий облик. К тому же, на кровати было действительно тесно. Подумав, он снова обратился змеем.

Так стало гораздо удобнее. Они всегда так спали. Мо Янь привычно обвился вокруг Лю Чжэчжи, уложив голову на нефритовую подушку, и, глядя на его холодный и чистый профиль, наконец остался доволен.

Вот так-то лучше. Кому нужен тот убогий и тесный боковой флигель? Здесь, в главных покоях, и обстановка приятнее, и вид красивее.

Поза была правильной, но он чувствовал, как напряглось тело Лю Чжэчжи. Тот не гладил его, как обычно. Мо Янь подождал немного, а затем, стиснув зубы, швырнул кончик хвоста ему в руку.

Лю Чжэчжи любил гладить кончик его хвоста. Из-за того, что это место было очень чувствительным, он не позволял его трогать, и Лю Чжэчжи иногда гладил его тайком, пока он спал. Он решил, что и сейчас тот хочет его погладить.

— Гладь, гладь, разрешаю. Теперь-то всё? Спи!

Лю Чжэчжи посмотрел на хвост в своей руке. В его глазах отразились сложные чувства. Он долго смотрел, прежде чем закрыть глаза.

Но так и не заснул.

Мысль о том, что змейка, с которой он хотел прожить остаток дней, на самом деле Мо Янь, не давала ему покоя.

Почему именно Мо Янь? Ведь это был его послушный змейка, его змейка, что обещал быть с ним до конца.

Лю Чжэчжи не злился на обман, но в душе поселилась необъяснимая тоска. Он вспоминал ярость Мо Яня, вспоминал годы, проведённые со Змейкой, и ему казалось, что Небесный Дао сыграл с ним злую шутку.

Спустя долгое время Лю Чжэчжи открыл глаза и, глядя на давно уснувшую змею, обвившую его, тихо вздохнул:

— Змейка, ты не поросёнок. И ты... в конце концов, не можешь остаться со мной.

Когда-то он, подражая кому-то, пытался манипулировать своей змейкой, называя её поросёнком. Интересно, что тогда думал Мо Янь? Сейчас это казалось таким абсурдным.

Говорить своему заклятому врагу о том, чтобы прожить с ним остаток дней... Тот был так свиреп, что от одного его вида хотелось бежать. О каком мирном сосуществовании могла идти речь, не говоря уже о совместной жизни?

Змейка — это змейка, а Мо Янь — это Мо Янь. Их нельзя было смешивать.

Теперь, когда он обрёл человеческий облик, он, конечно, уйдёт, как только залечит раны. А его Змейка...

Пусть он растает вместе со снегом этой зимой.

Всё предрешиено. Он не мог удержать даже собственную жизнь, что уж говорить о его змейке.

Всё было лишь сном на подушке из жёлтого проса. Не более.

Сон закончился, змейка ушёл. Остался лишь Мо Янь, который лечит здесь свои раны. Когда он поправится, то вернётся в Царство Демонов, вернёт себе трон и поведёт армию демонов на мир людей, чтобы отомстить. А он...

Наставник, конечно, отдаст его на растерзание, чтобы заключить мир. Его тело погибнет, Дао исчезнет, и война прекратится. Это будет достойная смерть.

Лю Чжэчжи не знал, как по изначальному сюжету должен был закончить свою жизнь его персонаж-злодей, но злодеи долго не живут. Если он сможет своей смертью остановить войну, то исполнит свой долг перед миром.

Когда разум ясен, всё кажется неважным. Лю Чжэчжи медленно закрыл глаза и вскоре погрузился в глубокий сон.

И в этот момент змея, которую он считал спящей, сверкнула в темноте вертикальными зрачками.

Мо Янь слышал всё. Он и не спал.

Зная, что тот не спит, и чувствуя его странное состояние, он был настороже и не ожидал услышать такое.

Голос был тихим, но в нём слышались сожаление и даже нежелание отпустить.

Кончик хвоста всё ещё был в руке Лю Чжэчжи. Мо Янь высунул язык и лизнул его тонкие, словно выточенные из нефрита, пальцы. Он не знал, злиться ему или смеяться.

Какого чёрта он решил, что я уйду?

Говорит, что я не поросёнок и не могу остаться с ним. Лю Чжэчжи, ты кем себя возомнил?

Это ты всё это придумал, ты заставил меня согласиться. А теперь, потому что я обрёл человеческий облик, ты отказываешься от своих слов?

Вы, праведники, — лицемерные негодяи!

А ты — особенно!

Скучаешь по мне — так и скажи. Зачем таиться? И про непристойность что-то не вспоминаешь. Притворщик!

Мо Янь мысленно выругался, глядя на спящего. Наконец, он подвинул голову и уткнулся в шею Лю Чжэчжи, вдыхая едва уловимый холодный аромат, и только тогда закрыл глаза.

Ладно, ладно, знаю, что ты не хочешь меня отпускать. Так и быть, я останусь с тобой ещё немного. Но веди себя прилично, иначе жди расправы!

Я теперь с тобой расправлюсь, как с муравьём!

Хотя они думали о совершенно разном, это не мешало Мо Яню в одностороннем порядке, прикрываясь несуществующей личиной, упрямо и подобоострастно поддерживать эти хрупкие отношения.

На следующий день Лю Чжэчжи, проснувшись, увидел рядом змейку, послушно положившую голову ему на плечо. По привычке он подхватил её.

— Змейка, какой послушный. Дай поце...

Последнее слово он не договорил, вспомнив, что змейка — это Мо Янь.

Он замер. И тут же услышал рядом нетерпеливый голос:

— Ладно, ладно, целуй, так и быть.

Не успел он опомниться, как змея на его теле обратилась человеком и, придавив его, впилась в губы.

Раньше Лю Чжэчжи целовал змейку в макушку или в губы. Но этот поцелуй был совсем иным. Мо Янь прижал его за затылок, целуя так, что язык онемел.

Это была не нежность, а... любовная игра.

Лю Чжэчжи задыхался. Он попытался оттолкнуть его, но, не успев поднять руку, почувствовал неладное.

Чужая рука скользнула по его талии и забралась под нижнюю одежду.

Он уже проходил через это и прекрасно понимал, что означают эти действия. Он быстро сложил пальцы в печать, собираясь активировать массив и вышвырнуть его вон, но тот перехватил его запястье.

Мо Янь, тяжело дыша, отстранился. Его голос был хриплым от желания, но он беззащитно свалил вину на другого:

— Ты сам предложил поцелуй, я согласился, а ты теперь пытаешься меня выгнать? Разве так поступают наставники? Кто из наставников ведёт себя так неразумно!

Типичное перекалывание вины с больной головы на здоровую. Бесстыдство в чистом виде.

Лю Чжэчжи слегка нахмурился. Он помнил, что это Мо Янь, а не змейка, которого можно было наказать, и промолчал. Но тот, видя его молчание, решил, что ему всё дозволено, и снова потянулся к его губам.

— У меня... э-э... период страсти. Ты поцеловал, и он снова немного...

— Нельзя, — на этот раз Лю Чжэчжи прервал его, не дав договорить.

Даже у социофоба есть свои границы. Если его довести, он найдёт в себе силы отказать. Такое бесстыдное требование... будь у него сейчас силы, он бы немедленно вступил в бой.

Из десяти их поединков в прошлом восемь начинались из-за того, что Мо Янь своим наглым поведением и дерзкими речами доводил до ручки даже такого социофоба, как он.

Мо Янь замер.

Постойте, ты же не хочешь меня отпустить, почему же не ведёшь себя со мной лучше?

Спать вместе не даёшь, целовать не даёшь. Лю Чжэчжи, ты что, бунтуешь?!

— Ты, чёрт возьми...

Не успел Мо Янь доругаться, как Лю Чжэчжи молча надел маску.

Нет, он слишком грозный. Я не могу на него смотреть. Хочу убежать. Может, отдать ему эти покои?..

Он уже раздумывал, не перебраться ли ему на время в боковой флигель, как маску с его лица сорвали.

Лю Чжэчжи застыл, не зная, что делать. Но тот, кто только что ругался, снова обратился змеем и принялся ласково тереться головой о его шею.

— Не буду ругаться. Все эти правила и приличия, я постараюсь их соблюдать. Тольконими эту дурацкую маску.

Мо Янь помолчал и, поколебавшись, добавил:

— Наставник.

Он не знал, что у Лю Чжэчжи приступ социофобии, и решил, что это новый способ его мучить.

Наказывать его, пряча лицо.

Обычный человек не счёл бы это наказанием, но Мо Янь любил смотреть на его лицо, очень любил. Два года, пока Лю Чжэчжи был без сознания, он просидел у его постели и не мог насмотреться. Так что для него это было наказанием, причём весьма изощрённым.

Раньше Лю Чжэчжи уговаривал змейку, как упрямого осла, поглаживая по шёрстке. Но кто бы мог подумать, что теперь, зная, что змейка — это Мо Янь, они, кажется, поменялись ролями.

Рука Лю Чжэчжи, висевшая вдоль тела, дрогнула.

Хоть это и змеиный облик, он не мог больше видеть в нём змейку. Но, зная, что это Мо Янь, он всё равно... неосознанно хотел погладить его по голове.

Может... может, с Мо Янем тоже можно попробовать поладить.

Раньше Мо Янь заботился о нём. Хотя он и был грозным, но когда не злился, то был не таким уж и страшным.

Лю Чжэчжи подумал какую-то бессмыслицу, но искренне в это верил.

Когда не злится... он не злится. Он похож на его змейку.

Вот бы он всегда был таким.

Впервые в жизни Лю Чжэчжи на что-то надеялся в отношении другого человека.

Пусть это была лишь надежда, что тот не будет на него злиться, но это была единственная надежда, желание попробовать поладить с кем-то.

— Змейка... — позвал Лю Чжэчжи и положил руку ему на голову. Его жест был не таким, как раньше — не нежным и не строгим, а скорее вопросительным, пробным. И голос его был тихим, почти невесомым. — Змейка... не ругай меня, хорошо?..

Мо Янь почувствовал, как по телу пробежала дрожь.

Это... он что, капризничает?

Чёрт, как же это мило. Кто сможет ему отказать?..

***

<http://bllate.org/book/16980/1588687>